

«они (мужчины) знают», и «они (женщины) знают». Аналогичная картина в современном русском языке, но иная ситуация во французском: *ils connaissent — elles connaissent*. Разумеется, в подобных случаях надо говорить не о двусмысленности языка, как это теперь часто утверждают³, а о взаимодействии морфологических средств языка с потребностями коммуникации. А. Ломбард так и поступает, не прибегая и в этом случае к теоретическому обоснованию своей методики. Сами по себе морфологические категории развитых языков, имеющих богатую литературную традицию, двусмысленными никогда не бывают.

Отсутствие лексического раздела в книге я бы отнес к ее недостаткам. Это тем более жалко, что румынская, как и молдавская, лексика представляет большой интерес. О своеобразии румынской лексики писали филологи-романисты разных стран. И в такой итоговой работе, как руководство А. Ломбарда, подобный пробыл удивляет. К тому же само руководство называется «румынским языком», а

³ Ср.: J. G. Kooy, *Ambiguity in natural language*, Amsterdam — London, 1971.

не «румынской грамматикой». Нельзя не сожалеть и об отсутствии общего заключения в книге, как и заключений, хотя бы кратких, к ее отдельным главам и разделам. Остается не совсем ясным, какую дифференциацию проводит автор между такими терминологическими словосочетаниями, как «разговорный стиль» и «непринужденный стиль» (*le style aisé*).

Оценивая большой труд А. Ломбарда в целом, нельзя еще раз не подчеркнуть его бесспорные научные достоинства: перед нами оригинальная, очень тщательно выполненная работа, принадлежащая перу тонкого знатока румынского языка. Подобной книги, которая совмещала бы в себе достоинства отличного учебника с достоинствами научного исследования, в мировой романистике до сих пор не было. Было бы весьма желательно, чтобы «Центр романской филологии» при Страсбургском университете продолжил публикацию подобных «итоговых руководств» и по другим романским языкам, в частности по такому языку мирового значения, как португальский, который остается до сих пор языком все еще очень мало изученным.

Р. А. Будагов

E. Matteson (et al.). Comparative studies in Amerindian languages.—The Hague—Paris, 1972. 251 стр.
(«Janua Linguarum». Studia Memoriae Nicolai van Wijk Dedicata. Series practica, 127)

Можно с уверенностью сказать, что сравнительно-генетические исследования в области америндских языков ощутимо прогрессируют с каждым годом. Если в еще совсем недавнем прошлом здесь господствовали самые смелые и в то же время совершенно не подкрепленные фактическим материалом гипотезы, то настоящее время характеризуется в американистике широким фронтом конкретных работ по выявлению генетических связей между отдельными группировками этих языков. Среди наиболее развитых частных отраслей америндской компаративистики следует назвать алгонкинское и юто-ацтекское языкознание, немало было сделано по сравнительно-историческому изучению языковых семей галф, нечумара, далеко продвинулись интенсивные штудии по целному доказательству родства большого числа центрально-американских языков (отомангская гипотеза). Не менее впечатляющими оказались прецеденты обнаружения представителей североамериканских группировок в Центральной Америке и представителей центральноамериканских — в Южной Америке. В то же время свидетельством методической зрелости компаративистических

штудий в этой области языкознания являются известные теоретические публикации последних лет М. Р. Хаас, Р. Э. Лонгэйкра и других авторов¹.

Как отмечается во введении к первой части монографии, начальным стимулом для такого сравнительного исследования послужило обнаружение «структурных сходств как в фонологии, так и в грамматике между языками гуахиба Колумбии и языками такана в Боливии, а также между языками тукано Колумбии и языками гуарани в Боливии. Это открытие было обязано факту последовательной работы над целым рядом языков Перу, Боливии и Колумбии. В то же время М. Слокум и Ф. Гердел, изучая язык павд, ... сообщили о сходствах между ним и ранее обследовавшимся ими языком целталь (майя). Затем Ф. Джексоном, ранее изучавшим языки

¹ Ср.: M. R. Haas, *The Prehistory of languages*, The Hague — Paris, 1969; R. E. Longacre, *Comparative reconstruction of indigenous languages*, в кн.: «Current trends in linguistics», 4— Ibero-American and Caribbean linguistics, The Hague — Paris, 1968, стр. 320—360.

тохолобал и целталь, была установлена большая часть соположений между паэц и майя и были намечены соответствия. Свидетельства этих разнообразных связей вместе с массой межгрупповых сходств, накопленных за длительное время в полевых записях, в конечном счете привели к постуляции отношений широкого родства американских языков» (стр. 22—23). Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что попытка столь масштабного генетического исследования получила дополнительный стимул после того, как ряд этнологов на основании специфики распределения групповых факторов крови у индейцев высказали мнение, согласно которому протоиндейская группа переселенцев на континент Америки должна была быть очень малочисленной².

Рецензируемая книга состоит из двух основных частей. Первая из них (автор Э. Маттесон) ставит своей задачей продемонстрировать генетическое родство большой группы северно-, центрально- и южноамериканских языков, принадлежащих к семьям алгонкин, сиу, галф, хока, юто-ацтек, майя, чибча, кечумара, аравак, гуахиба, тукано, витото, бора, такана, пано, тупи-гуарани и жэ, а также трех языков неясной принадлежности — паэц, камса и гуамбиано. Вторая часть книги содержит реконструкции фонологических систем и фрагментов основного лексического фонда южноамериканских групповых праязыков — проточибча (автор Э. Уилер), протомайя (автор Ф. Л. Джексон), прототукано (авторы Н. Е. Уоллг и Э. Уилер), протогуахиба (авторы Д. Р. Кристиан и Э. Маттесон) и прототукано (автор Э. Маттесон).

Монография представляет собой, несомненно, наиболее интересную и самую масштабную работу, когда-либо предпринимавшуюся в области сравнительно-генетических исследований американских языков. В орбиту сравнения здесь вовлечены языковые группировки, существенно варьирующие и в типологическом отношении: одни из рассматриваемых языков — представители номинативного строя, другие — эргативного, третьи — активного.

Сравнительное исследование южноамериканских языков впервые привлекает к сравнению большой фактический материал, который анализируется в соответствии со строгой методикой современного генетического исследования. На основании сопоставления многочисленных рядов лексических корреспонденций, существу-

ющих между конкретными языками, а иногда — и между промежуточными праязыками, здесь устанавливаются фонологические корреспонденции и закономерности фонетического изменения, реконструируется звукотип и семантика исходных лексем и в первом приближении воспроизводится лежащая в основе системы протофоном (при этом, пожалуй, не следует ставить авторам в упрек то, что в целом ряде случаев формула реконструкции лексемных прототипов представляется собой нечто вроде «среднего фонетического» сопоставляемых лексем: нельзя упускать из вида, что это — естественный атрибут раннего этапа любого сравнительно-генетического исследования). Эта часть монографии с достаточной очевидностью свидетельствует о значительном прогрессе, достигнутом в изучении таких крупных семей, как чибча и аравак (даже по сравнению с относительно недавно опубликованной книгой Дж. Нобла³).

В первой части книги приводится в общей совокупности свыше 975 рядов лексических и, отчасти, морфологических соответствий, охватывающих материал от двух до почти всех сопоставляемых автором языковых семей. Здесь содержится опыт установления межгрупповых фонологических корреспонденций и закономерностей предполагаемых в отдельных языках фонетических изменений, которые экономно отображены формульной записью на стр. 37—44. В этих целях широко используются внутригрупповые фонологические реконструкции, ранее выполненные в работах других американистов (это, естественно, в значительно большей мере касается более продвинутых североамериканских отраслей компаративистики). В качестве итогового продукта исследования автор предлагает соответствующие гипотетическому протоамериканскому состоянию лексические реконструкции, а также воспроизводит предполагаемый для него фонологический инвентарь.

Нельзя не признать, что в этой части содержится довольно много интересных межгрупповых лексических параллелей, которые к тому же в целом ряде случаев могут быть дополнены. Приведем для иллюстрации некоторые наиболее яркие из них⁴.

³ Ср.: G. K. Noble, Proto Arawakan and its descendants, IJAL, 31, 1, 1965.

⁴ Приняты следующие сокращения названий языков: п.а. — протоалгонкский, (п.)ар. — (прото)аравакский, кав. — кавиния, (п.)так. — (прото)такана, п. пано — протопано, п. гб. — протогуахиба, тн. — туника, дел. — делавар, г. — галф, мот. — мотилон, (п.)чб. — (прото)чбча, п. тук. — прототукано, (п.)г.-г. — (прото)тупи-гуарани, (п.)мя — (прото)майя, кеч. — кечуа, кам. — камса, айм. — аймара, чр. —

² Ср.: H. Wormington, Origins. Program of the history of America. I. Indigenous period, 1, Mexico, 1953; Г. Ф. Дебец, Антропология Сибири и проблемы заселения Америки, «Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока (тезисы докладов и сообщений)», Иркутск, 1960.

**piya* «стрела» (39, 113): п. а. **-pi* (ср. также **-nihta* «лук»), п. ар. **piya* / *piha*, кав. (так.) *piya*, п. пано **pia*, Сьерра Пополука *pikši*; ср. также п. гб. **piyu*.

**ʔa* «быть, делать» (73): яна (хока) *ʔa*, паэц *ʔa*, п. пано *ʔa-*, так. *a-* «делать», ср. также тн. (г.) *ya* (75).

**amō-e-ba* «пчела» (80): п. а. **amōwa*, п. ар. *-maeba*, мот. (чиб.) *mō*, п. тук. *mō-mi*; ср. также кокама (т.-г.) *tapa*.

**kʔaya* «горький» (96): тн. (г.) *kaui* «прокисать», яна (хока) *kʔai*, п. мя. **kʔay*, кеч. *kʔaya* «кислый».

-ma* / *-mi* «кровь» (100): п. а. **meskwi*, п. ар. *-ma* / *-mi*, п. пано **imi*, п. так. **ami*, Сьерра Пополука *ime*; ср. также п. чиб. **ebi* (<emi*?).

**nihte* «день» (206): г. **nihta-ki* (ср., например, мускоги *nitta*, п. пано **niti*, кам. *iba-note*. В этот же ряд можно включить субтиаба (хока) *endo*, пополок **ʔnti* «солнце, огонь», айм. *inti* «солнце», кеч. *inti*, *indi*, *endi*, возможно, вайкури (Калифорния) *untari* «солнце» и др.

**ɕʔi* «пить» (239): чр. (мя) *ɕʔi*, п. пано **ɕiʔa*, п. тук. **ɕiʔdi*; ср. также п. т.-г. **ɕiʔu* «есть» (256).

**wala* / *-i* «хороший» (369): дел. *walat*, ман. (ар.) *walite* «новый», яна (хока) *walaxgai*, п. мя. **wali*, *wala* «большой», кеч., айм. *wali*, п. ю.-а. **wə*.

**apo* «путь; река» (642): п. ю.-а. **po*, п. ар. **apo-ti*, п. а. **apo* «вода» (691), переа (таино) *abo* «река» (691).

**parV-* «река» (693): п. ар. **parana* / *parawa* «море», гмб. *rogampik*, п. пано *paro*, п. т.-г. **parana-hua*, гн. (тук.) *bəkə-pariro*, виванко (немон) *parau*.

**mV-* «ты» (972): п. чиб. **mue-ya(n)*, мс. (г.) *mā*, гб. *-te* / *-mi*, чп. (мя) *at*, вашо (хока) *m-*, п. пано **mi*, п. тук. **mʔʔ* и мн. др.⁵

В целом более доказательными, несомненно, являются приводимые в работе южноамериканские лексические параллели. Постуляция в этом материале некоторых фонетических закономерностей заметно продвигает вперед работу по сведению многочисленных языковых группировок Южной Америки ко все более ограниченному числу праязыков. Так, фрагменты основного словаря демонстрируют довольно тесную генетическую связь, существующую между семьями такана и пано (которые к тому же своей принадлежностью к языкам эргативного строя объединены и типологически): ср., например: *eto* ~ *ato* «живот» (3), **mace* ~ **maši* «аннато» (20), *e-sao* ~ **šao* «кость» (111), *e-bakwa* ~ **baki* «ребенок» (158), *ka* ~ **ka* «идти» (362), *e-mata* ~ *mata* «холм, гора» (425), *e-siri* ~ *siri* «старый» (604).

чорти, ман.— маниба, п. ю.-а.— протокто-актек, гмб.— гуамбиано, гн.— гуана-но, мс.— мускоги, чп.— чипайя.

⁵ Ср.: M. Swadesh, *Perspectives and problems of Amerindian linguistics*, «Word», 10, 2—3, 1954.

См. также сопоставления 21, 30, 39, 72, 73, 76, 84, 100, 117, 134, 147, 229, 239, 250, 281, 283, 329, 375, 404, 438, 487, 494, 505, 519, 566, 580, 620, 627, 689, 721, 766, 796, 807, 838, 850, 870, 883, 884, 895, 919, 942, 949, 950 и 951, а также 972. Об отношениях более далекого родства должны свидетельствовать лексические параллели, обнаруживаемые между семьями аравак и гуахиба: ср. сопоставления 4, 21, 25, 35, 58, 70, 101, 136, 233, 316, 347, 354, 361, 372, 380, 388, 403, 405, 412, 441, 444, 503, 513, 563, 564, 595, 606, 611, 619, 628, 638, 669, 678, 680, 691, 694, 696, 728, 769, 787, 807, 822, 853, 867, 869, 905, 916, 944, 952, 965. Большой интерес представляют также словарные соответствия, отмечающиеся между языками майя и «неклассифицированным» языком паэц: ср. сопоставления 44, 54, 73 и 75, 103, 117, 140, 150, 160, 205, 220, 223, 239 и 256, 243, 259, 290, 330, 358, 369, 419, 422, 438, 453, 507, 516, 551, 572, 580, 584, 611, 686, 780, 801, 803, 807, 811, 812, 861, 866, 909, 920, 937. Обращают на себя внимание и отдельные эффективные лексические изоглоссы, объединяющие языки тупи-гуарани и тукано: ср., например: **ita-ka* ~ **ita-ka* «камень, скала», **yagwara* ~ **yaiRo* «ягуар», **aiNya* «зуб» ~ *āi* «жевать», **s* / *h* *owə* ~ **ewə* «желтый», к которым следует присоединить и **to-ya* ~ *āyā* «змея». Нельзя не отметить, однако, что лексический материал языков кечумара, как это показали и предшествовавшие наблюдения, скорее сопоставим с североамериканским, что заставляет вспомнить и некоторые уже давно выдвинутые в этой связи соблазнительные гипотезы⁶.

Вместе с тем, рецензируемая монография несет на себе и отпечаток многочисленных объективных трудностей материала, с которыми на каждом шагу сталкивается разработка этой новой для языковедения проблематики.

Одно из наиболее серьезных препятствий на пути обоснования американдской гипотезы представляет резкое преобладание в сопоставлявшемся до сих пор материале сравниваемых языков так называемых «идентичных», т. е. совпадающих по своему фонетическому содержанию, фонологическим корреспонденций: ср. особенно предполагаемые рефлексы консонантных протофонем, суммированные на стр. 31—36 (здесь нецелесообразно останавливаться на анализе постулированных соответствий вокалических фонем, определение которых обычно связано с особыми трудностями.) Между тем, компаративистам хорошо известно, что в плане генетического доказательства более показат-

⁶ Ср., например: J. P. Harrington, *Hokan discovered in South America*, «Journal of the Washington Academy of Sciences», 33, 1943.

тельно обнаружение так называемых «дифференцированных» соответствий, со всей очевидностью иллюстрирующих системный характер фонетических изменений, происходящих в исконном языковом материале. Во многих случаях даже возникает подозрение, не связана ли такая идентичность рефлексов с некоторыми универсальными особенностями, характеризующими звукотип дескриптивных слов.

Действительно, сравнительно высокий процент в сопоставляемом материале дескриптивных (звукосимволических и звукоподражательных) основ, убедительные параллели к которым могут быть без труда прослежены и в самых различных языковых группировках Старого Света (например, в кавказских языках), явно ставят ведущее исследование перед дополнительными трудностями. Ср., с одной стороны, многие лексемы, приводимые в книге под семантическими знаменателями «адамово яблоко» (типа *karkwero, tazaxa*), «грудь» (типа *čižo*), «вождь» (типа *tata*), «внук/дед» (типа *baba*), «перо» (типа *polo, poro*), «лизать» (типа *lak, lask, nene*), «легкие» (типа *pospo*), «молоко» (типа *rečo, čočo*), «мать» (типа *nana, tata*), «пуп» (типа *puḡ, uḡi*), «язык» (типа *nene, nani*), «дядя» (типа *koko, toto*) и т. п. С другой стороны, ср. лексемы под семантическим знаменателем «дуть», «хлопать», «кашлять», «летать» (типа *ber, per*), «сова»⁷, «сосать (грудь)», «свистеть» и др. Конечно, уже разработанная сравнительная грамматика обычно так или иначе учитывает подобные лексемы, однако апеллировать к ним при доказательстве самого факта языкового родства в высшей степени рискованно.

По-видимому, не может не сказываться на достоверности как внутригрупповых, так и опирающихся на них межгрупповых реконструкций то обстоятельство, что в ряде случаев авторы по необходимости были вынуждены довольствоваться сравнением избранных представителей той или иной языковой группировки (в большей степени это, по-видимому, относится к разделам, посвященным проточибчанскому и протоараваскому состояниям).

Проблема семантической реконструкции поднимается здесь во всей своей сложности не только в силу недостаточной изученности соответствующего культурно-исторического контекста, с которым должно было соотноситься предполагаемое автором праязыковое состояние, но и ввиду самых туманных представлений современной науки о возможном структурном облике последнего. Если учесть, однако, что до настоящего времени на американском континенте довольно широко пред-

ставлены языки активного строя⁸, то во всяком случае можно предполагать, что соответствующее состояние должно было характеризоваться весьма архаичной типологией. В свою очередь это обозначает необходимость коррекции ряда предположенных для праязыка семантических точек, до сих неизвестных американским представителям активного строя. В частности, вместо отсутствующих в последних прилагательных «большой», «голубой», «спелый», «маленький» и др. скорее следовало бы реконструировать стативные глаголы «быть большим», «быть голубым», «быть спелым», «быть маленьким» и т. д.

Следует остановиться, наконец, еще на одном, на этот раз внешнем по отношению к языку факторе, недостаточный учет которого способен приводить к проблематичности семантической реконструкции. В виду имеется необходимость учета общественно-исторических и географических условий, с которыми может быть соотнесена эпоха предполагаемого протоамериканского языкового состояния. Так, например, при всем том, что в настоящее время наука знает об уровне наиболее древней протоамериканской культуры Плато Прерий, известной под названием Сандиа (*Sandia*), в предполагаемое состояние едва ли возможно спроецировать такие семантические точки, как «кровать», «каное», «кукурузная водка», «хлопок», «веер», «первый», «золото», «гамак», «металл», «деньги», «сажать (растения)», «горшок», «крыша», «ложка». Не меньшие сомнения вызывает и реконструкция для него числительных выше обозначения двух. Уже один факт почти постоянного участия в сопоставлениях аймаранских или кечуанских числительных, приводимых под семантическими знаменателями «три», «четыре», «пять», «шесть», «семь» и «девять», наводит на мысль о диффузном процессе формирования соответствующих изоглосс, которые без труда могут быть дополнены материалом и некоторых других языков: ср., например, числительные *pička* «пять», *sokta* «шесть», *isku* «девять», усвоенные из кечуа языком кокама из семьи тупи-гуарани⁹ (значительно интереснее было бы указать на некоторые североамериканские параллели кечуанским числительным: ср. вашо *hēse* ~ кечуа *iskay* «два»). Естественно, что сомнения вызывает и возможность соотнесения с предполагаемым состоянием и семантических точек, отражающих такие локально ограниченные на американском кон-

⁸ Краткое описание принципов их структурной организации см.: Г. А. Климов, К характеристике языков активного строя, ВЯ, 1972, 4.

⁹ См.: N. Faust, E. G. Pike, The Cocama sound system, «Publicações do Museu Nacional. Série Lingüística Especial», 1, Rio de Janeiro, 1959, стр. 32, 34.

⁷ Об этом слове см.: К.-Н. G u r s k y, A widespread word for owl, IJAL, 33, 4, 1967, стр. 328—329.

твинте элементы флоры и фауны, как «агути», «анаконда», «броненосец», «муравьед», «банан» (по-видимому, вообще происходящий из Старого Света), «кока», «гуан», «гуава», «игуана», «макао» (попугай), «магей», «маниока», «обезьяна», «пака», «тапир», «тукан», «батат» и некот. др. Поскольку даже на территории Центральной Америки человек появляется весьма поздно (не ранее XV тыс. до н. э.), предполагаемое состояние может быть приурочено исключительно к Северной Америке, где и засвидетельствована колыбель протоамериканской культуры.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что рецензируемая книга представляется первым серьезным шагом на пути обоснования гипотезы генетической связи основного массива америндских языков. Предпринятая в ней систематизация соответствующих фактов показывает, что уже к настоящему времени соб-

ран языковой материал, над которым следует задуматься компаративисту. Удовлетворение приносит и то важное обстоятельство, что ведущееся исследование вооружено современной техникой сравнительно-генетического языкознания. Теперь дело всецело за поступлением в его распоряжение нового языкового материала. Таким образом, основное значение данной публикации заключается в том, что, создавая отправную точку подобных штудий, она будет стимулировать всю дальнейшую работу в данном направлении. Она, несомненно, еще более активизирует работу и по собиранию ценного и столь быстро исчезающего с лингвистической карты мира языкового материала. Думается, что самим фактом своего появления книга послужит пропаганде америндского языкознания.

Г. А. Климов

«Назиратель», изд. подготовили В. С. Голышенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова, под ред. С. И. Коткова. — М., «Наука», 1973. 752 стр.

В последние 10—15 лет русское языкознание получило целую серию прекрасно изданных памятников древне- и старорусской письменности. «Изборник 1076 г.», «Вести-курanty 1600—1639 гг.», «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.»¹ и др. В 1973 г. вышел в свет весьма ценный и интересный памятник русской письменности XVI в. — «Книга глаголемаз назиратель сирѣчь зрад домовныхъ дѣтель», — сокращенно — «Назиратель». Все эти издания осуществил Сектор лингвистического источниковедения и исследования памятников языка Института русского языка АН СССР.

В основу рецензируемого издания положен единственный рукописный экземпляр памятника, хранящийся в Государственном историческом музее в собрании Барсова под № 371.

Рукопись «Назирателя» оставалась почти неизвестной в научной литературе до начала XX в., когда К. В. Покровский обратил внимание на этот ценнейший памятник русской культуры XVI в.

«Назиратель», как установил К. В. Покровский², — памятник переводной ли-

тературы, восходящий к латинскому оригиналу одного из изданий (1474 г.) труда Петра Кресценция «Liber ruralium commodorum» или «Opus ruralium commodorum libri XII», написанного в Италии около 1305 г. Издатели считают непосредственным иноязычным оригиналом текста «Назирателя» польский перевод с латинского (издание 1549 г.). К такому выводу приводит тщательное сличение текста «Назирателя» и польского перевода сочинения Кресценция.

В рецензируемую книгу вошел текст самого памятника, занимающий 405 страниц (стр. 107—512, 203 листа рукописи), обстоятельное «Введение» (стр. 7—74), где приведены многочисленные соответствия и совпадения русского и польского текстов (см. табл. 1), «Правила передачи польского текста» (стр. 75—81), «Принципы воспроизведения и комментирования русского текста» (стр. 103—106), «Палеографическое описание рукописи» (стр. 82—102). Заключают издание обширный «Словоуказатель» (стр. 515—712) и «Приложение» (стр. 713—748) со снимками отдельных страниц польского издания и русской рукописи «Назирателя».

Ценность памятника в том, что это первое и единственное в России до конца

древней сельскохозяйственной переводной литературы, в кн.: «Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества», IV, 1, М., 1907, стр. 13—15.

¹ См.: З. М. Петрова, И. А. Понов, [рец. на кн.:] «Вести-курanty, 1600—1639 гг.», ВЯ, 1974, 1; Г. А. Хабургаев, [рец. на кн.:] «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.», ВЯ, 1969, 3.

² См.: К. В. Покровский, «Книга глаголемаз Назиратель сирѣчь зрад домовныхъ дѣтель» (Из истории